
АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА
Десять лет разлуки. Одна встреча. И чувства, которые время не смогло стереть.
ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ ДЛЯ НАС

Александра Ветрова

Последний танец для нас

https://litres.ru/74325578
SelfPub; 2026

Аннотация

Они были первой любовью друг друга, но страх и неуверенность разлучили их десять лет назад. Спустя годы судьба сводит их на свадьбе общих друзей. Он – успешный, но одинокий. Она – исцелившаяся, но всё ещё боящаяся. Один взгляд через бальный зал – и прошлое оживает. Смогут ли они простить, довериться и начать сначала? Или этот вечер станет их последним танцем – и окончательным прощанием?

Содержание

Глава 1. Платье цвета утреннего неба 4
Глава 2. Московский проспект, дом 15 12
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Александра Ветрова
Последний танец для нас

Глава 1. Платье цвета утреннего неба

Свадьба Марины и Дениса была задумана как идеальное торжество, и, судя по всему, организаторы справлялись с этой задачей блестяще. Все здесь дышало нарочитой, почти музейной красотой: старинная усадьба за городом с лепниной на потолках, хрустальные подвески люстр, которые рассыпали по мраморному полу тысячи крошечных зайчиков, и изысканные цветочные композиции, источающие тонкий, чуть приторный аромат калл и пионов. Воздух был наполнен гулом голосов, звоном бокалов и предвкушением чего-то светлого, что, по замыслу всех собравшихся, должно было вот-вот случиться.

Анна стояла у высокого стрельчатого окна в дальнем конце бального зала, стараясь держаться в тени тяжелых бархатных портьер, которые были ей совершенно не к лицу, но служили отличным укрытием. Она чувствовала себя немного лишней на этом празднике, словно случайно занесенный сюда осколок чужой, более счастливой жизни. Ее платье, неж-

но-голубое, с открытыми плечами и струящейся юбкой, было выбрано с особой тщательностью, чтобы не перетягивать на себя внимание, но при этом выглядеть достойно. Оно стоило целое состояние, которое она с трудом смогла выделить из своего скромного бюджета, но сейчас, в этом ослепительном обществе, Анна казалась себе блеклой молью, пытающейся подражать ярким бабочкам. Она рассеянно крутила в пальцах тонкий бокал с шампанским, пузырьки в котором уже давно опали, превратив напиток в безвкусную кислую воду, и смотрела на танцующую пару.

Марина, ее лучшая подруга со времен студенчества, кружилась в объятиях своего новоиспеченного мужа, и ее лицо сияло такой искренней, почти детской радостью, что у Анны защипало в глазах. Она искренне радовалась за нее, за эту долгожданную встречу, которая, вопреки всем сомнениям, переросла в нечто большее. Но внутри, где-то глубоко в груди, заныла тупая, давно знакомая боль — ностальгия по тому, что было у нее самой и безвозвратно ушло. Она не завидовала, нет. Она просто вспоминала. Слишком много воспоминаний будил этот старый парк, эта музыка, эти неловкие, но такие теплые моменты свадебной суеты. Десять лет — огромный срок, чтобы забыть, и в то же время — лишь миг, чтобы понять, насколько сильно ты изменился.

Она перевела взгляд на танцпол, и сердце ее пропустило удар. А затем еще один. И еще. Среди мелькающих шелковых юбок и строгих пиджаков она увидела его. Алексей. Он

стоял в группе мужчин у барной стойки, держа в руке стакан с виски, и что-то говорил, слегка наклонив голову к собеседнику. Жест был настолько привычным, настолько его, что у Анны перехватило дыхание. За десять лет он почти не изменился: те же широкие плечи, уверенная осанка, которую он приобрел еще в юности, занимаясь плаванием, и этот особый, чуть насмешливый изгиб губ. Только волосы стали немного короче, а на висках пробивалась благородная седина. Он выглядел взрослее, увереннее, еще более притягательным, чем та бунтарская версия, которую она помнила с их общей юности. Его серый костюм сидел на нем безупречно, подчеркивая фигуру спортсмена, скрытую под тонкой тканью.

Анна почувствовала, как по коже пробежал холодок, хотя в зале было душно от множества тел и дыхания. Ей показалось, что воздух вдруг стал вязким, как сироп, и каждый вдох давался с трудом. Она вцепилась пальцами в холодный мрамор подоконника, пытаясь унять внезапную дрожь в руках. Десять лет. Она рисовала эту встречу в своем воображении тысячи раз, придумывала идеальные слова, спокойные и безразличные, которые должны были показать, что прошлое осталось в прошлом. Но сейчас все эти выученные фразы рассыпались в прах, оставляя лишь острую смесь из боли, страха и какого-то запретного, пьянящего восторга. Она была не готова. Она никогда не была к этому готова.

Она попыталась скрыться за колонной, сделать вид, что не

заметила его, раствориться в пестрой толпе гостей, но было слишком поздно. Как будто повинуясь невидимому зову, он поднял голову, и его взгляд, пронзительный и внимательный, мгновенно нашел ее в тени штор. Время для них двоих словно остановилось. Бальный зал, гул голосов, музыка — все исчезло, остались только он и она, разделенные несколькими метрами паркета, которые вдруг превратились в пропасть.

Он смотрел на нее, и в его глазах мелькнула тень узнавания, такая же острая и болезненная, как и у нее самой. Он не улыбнулся, не сделал шага навстречу. Он просто стоял и смотрел, будто пытаясь запечатлеть ее образ в своей памяти заново, и от этого пристального, тяжелого взгляда у Анны подкосились ноги. Она чувствовала себя беспомощной и абсолютно прозрачной, словно он читал все ее мысли, все ее страхи и все те слова, что она так и не решилась ему сказать десять лет назад.

Внезапно музыка стихла, и голос ведущего, бодрый и немного фальшивый, разнесся по залу, объявляя о начале "белого танца". Девушки начали приглашать мужчин, и вокруг закипела суета. Анна воспользовалась этим моментом замешательства, чтобы отвернуться и сделать вид, что ищет кого-то в толпе. Ее сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук был слышен всем вокруг. Ей отчаянно хотелось сбежать, выбежать из этого душного зала в прохладный ночной парк и спрятаться за какой-нибудь старой липой, где ее никто не найдет.

Но она не успела сделать и шага, как рядом с ней выросла высокая темная фигура. Она подняла глаза и встретилась взглядом с Алексеем. Он стоял вплотную к ней, и она слышала его дыхание, чувствовала знакомый, чуть терпкий запах его одеколона, который она помнила наизусть, хоть и не пробовала его целую вечность. Он был так близко, что она видела каждую морщинку у его глаз, каждый оттенок серого в его глазах, которые смотрели на нее с той же смесью удивления и боли, что и в день их расставания.

— Анна, — произнес он, и его голос прозвучал хрипло, словно он не говорил несколько часов. Это было даже не приветствие, а скорее констатация факта, выдох откуда-то из глубины души. — Я и не думал, что тебя пригласят.

Она судорожно сглотнула, пытаясь обрести дар речи, но голос предательски дрогнул, когда она наконец выдавила из себя:— Марина пригласила. Я не знала, что будешь ты... что ты приедешь.

— Я не мог пропустить свадьбу Дениса, — он пожал плечами, и это движение, такое знакомое, заставило ее сердце сжаться от тоски. — Он мой лучший друг. Наверное, последний, кто остался из тех времен.

Повисла тяжелая, неловкая тишина, наполненная недосказанными словами и чужими жизнями, прошедшими между ними. Люди вокруг танцевали, смеялись, но они стояли в своем маленьком пузыре, отгороженные от всего мира. Анна чувствовала, как ее пальцы все еще вцепились в бокал,

который, казалось, вот-вот треснет от напряжения.

Алексей внезапно протянул руку, и на его губах появилась та самая, знакомая до боли, чуть ироничная улыбка, которую она так любила и так ненавидела все эти годы.— Сыграем в приличия? — спросил он, кивая в сторону танцпола. — Ты же знаешь, от нас не отстанут, пока мы не станцуем. Особенно от меня. Или ты боишься, что я наступлю тебе на ноги?

Его слова были легкими, почти шутливыми, но Анна видела в его глазах уязвимость, которую он старательно прятал за этой бравадой. Он тоже боялся. Боялся ее отказа, который стал бы финальной точкой в их истории, или, наоборот, ее согласия, которое могло все разрушить заново. Она понимала это, потому что сама чувствовала то же самое.

Она смотрела на его протянутую руку, широкую ладонь, шершавую от работы, и в ее памяти вспыхнула картинка: они стоят на крыше студенческого общежития, а он, смеясь, учит ее танцевать танго под завывания старого магнитофона. Тогда все было просто и ясно, как две звезды на небе.

— Я не боюсь, — тихо сказала она, кладя свою ладонь в его и чувствуя, как знакомая, обжигающая волна пробегает по телу от этого простого прикосновения. — Я просто не знаю, умею ли я еще танцевать... с тобой.

Алексей сжал ее пальцы сильнее, и этот жест был красноречивее любых слов. В его взгляде промелькнула искра, которую она так хорошо помнила, — упрямая и жаркая.— Мы не разучились, — сказал он уверенно, хотя в голосе послы-

шалась хрипотца. — Это как езда на велосипеде. Или как... возвращение домой.

Они сделали шаг на танцпол, и музыка, как по волшебству, заиграла медленную, тягучую мелодию. Это был старый вальс, который исполнял небольшой джазовый оркестр в углу зала. Анна положила свободную руку на его плечо, чувствуя под тканью пиджака твердые, живые мышцы, и прикрыла глаза на мгновение, позволяя воспоминаниям захлестнуть ее.

Они начали кружиться. Вначале неуверенно, как будто пробуя друг друга на ощупь, но с каждым шагом их движения становились все более плавными и естественными. Он вел ее уверенно и мягко, и она, сама того не желая, подчинялась ему, как в далеком прошлом. Запах его одеколона, тепло его рук, ритм его дыхания — все это было невыносимо родным и бесконечно чужим. Ей казалось, что она одновременно и летит, и падает в пропасть. Музыка обволакивала их, и мир сузился до размеров этого танцующего круга, за границами которого не осталось ни прошлого, ни будущего.

— Ты очень красивая, Анна, — тихо сказал он ей на ухо, и его дыхание обожгло кожу. — Все эти годы я представлял тебя иначе, но ты... ты именно такая, какой я тебя запомнил.

Она подняла на него глаза, в которых стояли слезы. Она хотела сказать ему, что он тоже не изменился, что она тоже вспоминала его каждую ночь, что десять лет — это слишком долго, чтобы молчать, но слова застряли в горле. Вместо

этого она просто сильнее сжала его плечо, чувствуя, как тонкая ткань ее платья намокает от слез. Этот танец был их последней песней, их последним прощанием и, возможно, их последним шансом. Она вдохнула его запах, запоминая этот момент навсегда, и прошептала то, что не говорила никому все эти долгие годы:

— Я знаю, Леша. Я тоже... я тоже помню.

Глава 2. Московский проспект, дом 15

Когда музыка стихла, они все еще стояли в центре зала, не разрывая объятий, словно боялись, что это последний раз, когда они могут чувствовать тепло друг друга. Алексею показалось, что он слышит, как колотится сердце Анны — быстро, испуганно, в унисон с его собственным. Она подняла на него глаза, и он увидел в них слезы, которые она отчаянно пыталась сдержать, но они все равно блестели в свете люстр, как маленькие бриллианты.

— Нам нужно поговорить, — выдохнул он, и его голос прозвучал глухо, почти умоляюще. — Не здесь. Не сейчас, когда на нас смотрят сто человек. Но нам нужно.

Анна кивнула, и это движение было таким знакомым, таким родным, что у него сжалось сердце. Она всегда так делала — соглашалась, даже когда боялась, даже когда не была уверена. Он взял ее за руку и, лавируя между столиками и гостями, повел к выходу из бального зала. За их спинами снова заиграла музыка, и кто-то из друзей Дениса одобрительно свистнул, но Алексей не обратил на это внимания. Ему было все равно. В этом мире осталась только она, ее ладонь в его руке, и та тяжелая тишина, которая повисла между ними, как занавес перед спектаклем, который они так и не смогли

доиграть десять лет назад.

Они вышли на веранду, и прохладный ночной воздух ударил в лицо, отрезвляя и возвращая ощущение реальности. Старая усадьба была окружена огромным парком, и сейчас, в темноте, вековые деревья казались призрачными великанами, тянущими свои ветви к звездному небу. Где-то вдалеке слышался смех, но здесь, на этой маленькой веранде, было тихо и пустынно. Анна отпустила его руку и отошла к перилам, обхватив себя руками, будто защищаясь от холода, хотя ночь была по-летнему теплой.

Алексей прислонился к колонне, не сводя с нее глаз. Она стояла к нему спиной, и лунный свет струился по ее обнаженным плечам, делая кожу похожей на фарфор. Он заметил, что она дрожит, и у него возникло острое желание подойти, обнять ее, укрыть от всего мира своей курткой, как он делал это много лет назад. Но он не мог. Между ними стояла пропасть, которую нельзя было преодолеть простым объятием.

— Я все эти годы думал, что мы встретимся, — начал он медленно, выбирая слова, как слепой выбирает дорогу. — И каждый раз представлял, что скажу тебе. И каждый раз это было по-разному. Я злился, я ненавидел тебя, я прощал, я умолял. А теперь я стою здесь, и в голове полная пустота.

Анна медленно повернулась. Ее лицо было бледным, почти призрачным в лунном свете, но глаза горели тем особенным огнем, который он так хорошо помнил. Она смотрела

на него долго, изучающе, будто пытаясь найти в его лице ответы на вопросы, которые мучили ее все эти годы.

— Ты имеешь право злиться, — сказала она тихо, и ее голос дрогнул. — Ты имеешь право ненавидеть меня. Я знаю. Я каждый день жила с этим чувством вины, и оно... оно не проходит, Леша. Оно как камень на шее.

— Зачем? — он шагнул к ней, и в его голосе прорвалась та боль, которую он так долго прятал за маской спокойствия. — Зачем ты ушла? Я тогда не понял. Я до сих пор не понимаю. У нас было все. У нас была любовь, о которой люди пишут книги, снимают фильмы. Мы были идеальной парой, идиотской, счастливой парой, которая смеялась над всем миром. А потом ты просто... исчезла. Одна записка. Одно предложение: "Прости, я не могу так больше". Что это значит, Анна? Что я должен был понять?

Она закрыла глаза, и по ее щеке скатилась слеза. Она не пыталась ее смахнуть, не пыталась скрыть. Она просто стояла и плакала молча, и этот беззвучный плач был хуже любых криков. Алексей сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Ему отчаянно хотелось стереть эти слезы, поцеловать ее, сказать, что все прошло, все забыто, но он не мог лгать. Ни себе, ни ей.

— Ты помнишь наши последние полгода? — спросила она, открывая глаза. — Ты помнишь, какой я стала?

Он задумался. Да, он помнил. Она стала молчаливой, задумчивой, часто сидела на подоконнике в их маленькой

квартирке на Московском проспекте, дом 15, и смотрела в окно, не замечая его. Она отстранялась от его объятий, переставала смеяться его шуткам. Но тогда он списывал это на усталость, на стресс от учебы, на бесконечные проблемы с деньгами, которые преследовали их. Он не придал значения этим тревожным звоночкам, потому что был уверен — их любовь сильнее всего. Идиотская, слепая уверенность.

— Ты была... не такой, — признался он. — Но я думал, это временно. Я думал, это пройдет.

— Это не прошло, Леша. Это становилось только хуже. — Анна подошла к нему почти вплотную, и он видел каждую черточку ее лица, каждую морщинку у глаз, которой не было раньше. — Я сходила с ума. Я любила тебя так сильно, что это меня убивало. Каждое утро я просыпалась с мыслью, что ты уйдешь. Что я недостаточно хороша для тебя. Что однажды ты посмотришь на меня и поймешь, что ошибся. Что я — ошибка всей твоей жизни.

Он замер, не в силах поверить в то, что слышал.— Но это же бред, — выдохнул он. — Анна, я боготворил тебя. Я никогда, слышишь, никогда не давал тебе повода думать так.

— Ты не давал, — согласилась она, и ее голос стал хриплым от слез. — Это была я. Во мне сидел этот червь, и он грыз меня изнутри. Я не могла спать, я не могла есть, я боялась, что сойду с ума. А потом ты получил предложение о стажировке в Германии. Помнишь? Ты так радовался, и я видела этот свет в твоих глазах. И в тот момент я поняла,

что не имею права держать тебя. Что если я останусь, я разрушу твою жизнь. Ты был талантливым, перспективным, у тебя было все впереди. А я... я была сломанной игрушкой, которая только мешает тебе идти вперед.

Алексей сжал зубы, и на его скулах заходили желваки. Он смотрел на нее, и в его глазах смешались ярость, боль и отчаяние.— Ты приняла решение за нас обоих, — сказал он ледяным тоном. — Ты решила, что я должен уехать, и уехала сама, чтобы мне было легче. Ты думала, я приду домой, увижу пустую квартиру, прочитаю эту дурацкую записку и скажу: "Ну что ж, Анна права, поеду-ка я в Германию". Ты думала, я забуду тебя через месяц, через год. Но я не забыл. Я до сих пор просыпаюсь ночами и ищу тебя рядом. Я до сих пор слышу твой голос, когда иду по городу. Ты оставила мне не просто записку, Анна. Ты оставила мне дыру в груди, которую я не мог залатать ни работой, ни другими женщинами, ни алкоголем. Ничем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.